

СЕМЕН ХРОМОВ

КРАТКОЕ
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ВЕЛИКАГО СТАРЦА
ФЕОДОРА КОЗЬМИЧА. ИЗ
ВОСПОМИНАНИЙ КУПЦА
СЕМЕНА ФЕОФАНОВИЧА
ХРОМОВА

Семен Хромов

**Краткое жизнеописание великого
старца Феодора Козьмича.
Из воспоминаний купца
Семена Феофановича Хромова**

«Томский государственный архитектурно-
строительный университет»

2015

УДК 930 (092)
ББК 63.3

Хромов С. Ф.

Краткое жизнеописание великого старца Феодора Козьмича.
Из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова /
С. Ф. Хромов — «Томский государственный архитектурно-
строительный университет», 2015

ISBN 978-5-93057-682-5

Книга представляет собой записки томского купца С. Ф. Хромова, видного сибирского предпринимателя, более известного как поклонника и почитателя знаменитого в России старца Феодора Козьмича. В его записках широко представлена атмосфера, сложившаяся вокруг старца в Томске и других населенных пунктах Сибири, хорошо прослеживается мировоззрение и обыденное сознание С. Ф. Хромова – одного из представителей среднего слоя сибирского купечества. Книга предназначена для профессиональных историков, краеведов и всех интересующихся историей Сибири и города Томска.

УДК 930 (092)

ББК 63.3

ISBN 978-5-93057-682-5

© Хромов С. Ф., 2015
© Томский государственный
архитектурно-строительный
университет, 2015

Содержание

Предисловие	6
Книга Iая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Семена Феофанович Хромов

Краткое жизнеописание великого старца Феодора Козьмича. Из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Томский государственный архитектурно-строительный университет»

Книга издана при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект 14-11-70001.

Редакционная коллегия:

Подготовка документа к публикации и вступительная статья докт. ист. наук, профессора **В.П. Бойко** (отв. редактор). Подбор иллюстраций и художественное оформление книги канд. архит., доцента **Е.В. Ситниковой**.

Рецензенты:

В.А. Есипова, доктор исторических наук, НБ ТГУ;

В.Г. Залесов, кандидат архитектуры, доцент ТГАСУ.

Предисловие

В современной России уже более четверти века активно возрождаются и развиваются различные формы предпринимательства, с которыми в той или иной степени связано множество людей. Это неизбежно ставит вопрос о преемственности отечественного опыта в этой сфере. Перерыв в 70 лет, обусловленный советским периодом отечественной истории, нарушил естественный ход событий, выбил страну из колеи буржуазного развития. Если строить, условно говоря, гармоничное здание современного предпринимательства, то нужно учитывать различные составляющие этого процесса – политику, экономику, культуру и др. Историческое осмысление прошлого является одним из фундаментальных блоков этого сооружения. Усиление интереса к истории отечественного бизнеса и главным его действующим лицам-торговцам разного уровня, заводчикам и фабрикантам, купцам и их приказчикам продиктованы логикой развития гуманитарных наук. Необходимо обращать внимание на существенно значимые для общества явления, которые до недавнего времени были к купечеству, например, несправедливы. Между тем региональное купечество было одним из главных, если не главным, сословием формирования местной деловой элиты.

Предлагаемые вниманию читателя записки принадлежат перу известного в Западной Сибири торгово-промышленного деятеля Семена Феофановича Хромова, что в нашей литературе по истории сибирского купечества встречается довольно редко. Предприниматели избегали оставлять после себя записки о своей жизни и деятельности, находили их излишними или не имели навыков к этому непривычному для них занятию. Если бы было иначе, мы бы располагали теперь массой богатых и интересных материалов. Редким примером или даже исключением из этого правила можно назвать мемуары И.В. Кулаева, озаглавленные им «Под счастливой звездой» и вышедшие в 1937 г. в Тяньцзине (Китай) и ныне переизданные, и воспоминания Н.М. Чукмалдина¹.

Более полная характеристика мемуарной литературы дана в книге Н.П. Матхановой, где делается вывод, что ныне обнаружено купеческих мемуаров и записок относительно немного². Тем не менее можно надеяться, что со временем их список расширится и одним из таких источников станут записки С.Ф. Хромова. По своей форме эти записки напоминают, с одной стороны, жития святых, с канонизацией жизни и деяний главного персонажа повествования, с описанием многих чудес и исцелений, которые совершал описываемый автором старец Федор Кузьмич. Будучи ортодоксально религиозным человеком, Хромов, без сомнения, был знаком с литературой такого рода и многое взял оттуда в качестве образца. Наиболее вероятным источником подобного изложения можно назвать сказание об известном сибирском чудотворце Симеоне Верхотурском³.

С другой стороны, записки являются мемуарами, так как автор многие события воспроизводит по памяти и, самое главное, львиная доля исцелений приходится на самого автора воспоминаний. С.Ф. Хромов поступает как типичный мемуарист, то есть ставит в центр повествования, кроме великого старца и себя любимого, свои многочисленные хвори и недомогания, которые универсально вылечиваются многократно проверенным средством – целебной водичкой, настоящей на «зубке старца» или взятой из ямки в его келье.

¹ Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875–1930. М: ЗАО Центрполиграф, 2006. 222 с.; Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. – СПб., 1899. – 184 с.

² Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

³ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. Серия «История Сибири. Первоисточники». Т. X / сост. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 379.

Многие представители купечества были талантливыми бизнесменами, основывали и расширяли большие предприятия, раскинутые по всей Сибири и за ее пределами, умели жить и работать, зарабатывать громадные средства, часть из которых жертвовали на благотворительность. Жизнь многих из них была интересной и поучительной с точки зрения историка и писателя, любого человека, интересующегося историей, и если хотя бы часть именитых купцов оставили после себя автобиографические записки, то мы бы имели возможность глубже и яснее представить историю экономического развития своего края и страны в целом. Записки С.Ф. Хромова, возможно, уступают по информативности и масштабу охвата событий указанным выше мемуарам, но тем не менее достойны того, чтобы быть изданными, так как дают возможность представить жизнь и деятельность типичного для Сибири купца, круг его повседневных забот, занятий и знакомств, мировоззрение купца, которое было не только глубоко религиозным и монархическим, но и не чуждо светским увлечениям. Наконец, главное, что привлекает в записках Хромова, – это его знакомство со старцем Федором Кузьмичом, его приглашение в Томск, которое тот встретил благосклонно, и последующее материальное обеспечение старца до конца его жизни. Записки дают возможность познакомиться с жизнью старца и чудесами, которые происходили при его жизни и после его смерти.

Данная публикация не ставит своей задачей определить истину в споре сторонников того, что старец был чудесно спасшимся императором Александром I, или их противников. Каждый, кто ознакомится с публикуемыми записками, может взять оттуда аргументы в свою пользу. Все-таки главным объектом публикации должен стать автор записок, купец Хромов, с его своеобразной манерой изложения материала, своим языком и отношением к событиям и людям. Он, на наш взгляд, главный герой этой повести, так как во многом благодаря ему в Томске появился местночтимый святой, которому поклоняются и от которого ждут чудес.

Итак, С.Ф. Хромов (1813–1893) прожил долгую жизнь, происходил из крепостных графини Борх и детство провел в деревне Мукреево Владимирской губернии. Именно из бойких владимирцев и ростовцев вели свое происхождение многие томские, да и не только томские купцы. Для их помещиков было выгоднее отправлять своих крестьян на оброк, так как почвы в центральной России бедные, тогда как в южных губерниях с тучным черноземом выгоднее было держать крестьян на барщине, с обязательной отработкой в помещичьем хозяйстве не менее трех дней в неделю. Судьба занесла Хромова в Сибирь, где еще раньше обосновались его земляки, и с 1830-х годов он служил на золотых приисках приказчиком. Набравшись опыта, он в 1837 г. стал управляющим Ачинских приисков и в 1842 г. выкупился с семьей и племянником на волю и вошел в томское купечество. Впоследствии по разным причинам Хромов записывался в нарымские, мариинские и енисейские купцы. В 1846 г. он купил дом в Томске и вступил в деловые контакты с крупным сибирским золотопромышленником и благотворителем З.М. Цибульским. С ним и другим, не менее крупным красноярским купцом С.Г. Щеголевым, составил компанию по разведке и добыче золота, а с 1852 г. приступил к самостоятельной золотодобыче.

Добыча драгоценного металла шла у него с переменным успехом, как и у большинства золотопромышленников, даже самых крупных. К их числу относился и «томский герцог», Философ Александрович Горохов, который, сосредоточив в своих руках административный и финансовый ресурсы, стал добывать огромные по тем и нынешним временам объемы золота – до 50 и более пудов. Однако компания Горохова вскоре потерпела жестокий крах, и поскольку одним из крупнейших кредиторов этой компании был С.Ф. Хромов, его потери составляли огромную по тем временам сумму – 53 699 рублей⁴. Чтобы получить свой долг, нужно было прикладывать огромные усилия, ездить в столицу и «хлопотать», что купец исправно и делал. Всего же долгов на компании Ф.А. Горохова насчитывалось 3 249 672 руб. 54 коп., но и эта

⁴ Государственный архив Томской области. Ф. 229. Оп. 1. Д. 107. Л. 1 об.

сумма далеко не полная, так как некоторые из кредиторов уже и не надеялись получить свои деньги и отказались от исков. Таким образом, сумма долгов Ф.А. Горохова возрастает до 3,5 млн руб., и седьмая часть этой суммы (ок. 15 %) принадлежала Хромову⁵. В результате в 1860 г. он был вынужден продать часть приисков другому крупному золотопромышленнику из чиновников И.Д. Асташеву, но в 1870-х гг. вновь поднялся и арендовал у В. Базилевского Семеновский прииск, дававший хорошую прибыль.

В это время, как и некоторые другие томские купцы, Хромов духовно сблизился с томским архиереем Афанасием (Соколовым), часто с ним беседовал, помогал пожертвованиями церкви, заботился о странниках и убогих. В 1852 г. познакомился в деревне Зерцалы со старцем Федором Кузьмичом и перевез его в 1858 г. в Томск. Последние 6 лет жизни старец жил в усадьбе Хромова, в специально для него выстроенной келье, или в загородном домике на заимке, получившей название Хромовка. Хромов записывал все, связанное с жизнью старца, уверенный, что это не кто иной как император Александр I, не раз пытался встретиться с Александром II и позднее Александром III, но безрезультатно. Часть записок Хромова, буквально несколько страниц небольшого формата, были опубликованы Е.З. Захаровым в виде брошюры под названием «Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия Федора Кузьмича, подвижавшегося в пределах Томской губернии с 1837 по 1864 год» (М., 1894) с собственными комментариями.

Скорее, эта публикация похожа на статью или брошюру, чем на издание материалов. До знакомства с публикацией Захарова автор предисловия связывал определенные надежды, но после получения копии понял, что она не дает полного представления об этом ценном для истории купечества источнике.

С.Ф. Хромов пожертвовал на строительство Томского кафедрального собора 250 рублей (40-е место среди всех жертвователей, где первенствовал И.Д. Асташев - 24 тыс. руб. Данные по списку жертвователей с 1842 по 1851 г.) и погорельцам Петропавловска⁶. В списке жертвователей на окончание строительства этого собора в конце XIX в. Хромов уже не значится, а возглавляет его с большим отрывом уже упомянутый З.М. Цибульский и его жена Феодосия Емельяновна – 150 тыс. руб. Вообще-то не только С.Ф. Хромов был скромным в своих пожертвованиях на благо города. Восточносибирские, особенно иркутские и красноярские купцы были в этом плане гораздо щедрее, но надо понимать, что и для купечества Западной Сибири важно было оставаться в глазах людей добрыми и щедрыми мирянами-единоверцами, хорошими хозяевами, которые своей выгоды не упустят, но готовы и поделиться своим богатством.

Западносибирские купцы тверже стояли на земле и не хотели жертвовать на женские Бестужевские курсы в Петербурге, исследование Северного морского пути и прочее, как это делали крупнейшие предприниматели Восточной Сибири, да и средств у них таких не было. Томские, тюменские и тобольские купцы хотели оставить образцовые по добротности и красоте постройки не только своим потомкам, но и строили здания для обездоленных – приюты, богадельни, сиропитательные дома, а также училища, школы и т. д. Кроме этого, они завещали большие суммы денег для раздачи бедным и нуждающимся, на поминальные заветы и его родных, на нужды учебных и иных заведений. Однако благотворительность купечества не могла кардинально улучшить жизненные условия большинства населения края. Нищету и отсталость таким образом ликвидировать трудно, и нигде в мире благотворительность не дала настолько впечатляющих результатов, чтобы связывать с ней надежды на улучшение жизни.

Другим важным аспектом внутреннего мира сибирского купечества (менталитета, как принято сейчас говорить) является интерес и уважение к старчеству как явлению обществен-

⁵ Бойко В.П. Первый сибирский олигарх: предпринимательство и образ жизни чиновника и золотопромышленника Ф.А. Горохова // Человек – текст – эпоха: сб. науч. статей и материалов. Вып. 4.: Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 285.

⁶ Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 451.

ной жизни. В середине XIX в. зарождается интерес к этому явлению русской жизни не только у простого люда, но и у состоятельных и образованных людей и даже духовных лидеров нации – у великих русских писателей Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и других, менее известных деятелей культуры. Это была реакция на надвигающуюся революционную бурю, охватившую, прежде всего, умы молодежи. На одном из заседаний Кирилло-мефодиевских чтений был сделан доклад о старчестве и его противопоставлении радикализму, в котором содержались выводы о том, что в отличие от героических юношеских порывов, христианское подвижничество (старчество) является непрерывной борьбой с низшими, греховными проявлениями своего я, определенной аскетичностью духовных устремлений и ограничением материальных потребностей. Вслед за авторами печально знаменитых «Вех», можно сказать, что если для героизма характерны вспышки, поиски великих деяний и подвигов, то в подвижничестве, напротив, важно эволюционное, медленное течение жизни, в которой нет скачков и катаклизмов, а есть терпение, самодисциплина, выдержка и выносливость – качества, как раз отсутствующие у русской интеллигенции⁷. Именно таким святым представал перед народом старец Федор Кузьмич Томский, как и многие другие местночтимые святые, которые не могли отказать им в святости и мудрости, и становились объектами почитания и поклонения.

Проживая в Томске, С.Ф. Хромов с годами частично отошел от трудного и хлопотного дела по поискам и добыче золота в сибирской тайге и перешел на более легкий и традиционный купеческий промысел – торговлю разными товарами, выполнение поставок различных товаров на прииски, частным лицам и предприятиям. Например, в 1880-е годы он поставлял фураж (сено и овес) на постройку широко известного в Сибири Обь-Енисейского канала. Сохранилось несколько фотографических портретов С.Ф. Хромова. Один из них представлен дальней родственницей купца Е.А. Благовещенской в 2007 г., другой появлялся в нескольких изданиях, где купец изображен в полный рост. Портреты рисуют купца как мужчину небольшого роста, худощавого, естественно, с бородой, с умными, проницательными небольшими глазами, одетого в традиционную для купцов «сибирку» (сюртук, подбитый для тепла ватой), широкие, выпущенные на высокие сапоги брюки. Утверждение Н.М. Дмитриенко о том, что жена Хромова умерла рано, еще в 1873 г., не подтверждается его записками, так как и в более поздние времена она обращалась к нему с просьбой о собственном исцелении от болезней с помощью чудодейственных средств старца Федора Кузьмича⁸.

Из текста записок С.Ф. Хромова вырисовывается его портрет – типичного представителя сибирского купечества первого поколения, который благодаря своему уму и деловой сметке, энергии и целеустремленности, смог сколотить первоначальный капитал, выкупить себя и своих родственников из крепостной неволи и крепко обосноваться в Сибири. Судя по всему, у него здесь появился широкий круг знакомств среди разных слоев населения, он положительно воспринял образ жизни сибирских купцов с постоянными разъездами, проживанием в глухих заимках и отдаленных приисках, с небескорыстными контактами с местным чиновничеством и многое другое. Он боготворит старца Федора Кузьмича, но, тем не менее, не слушается его совета забросить добычу золота и вести, как он, жизнь отшельника и аскета. К этому Семен Феофанович не готов, но проявляет настойчивость и активность в признании великого старца Федора Кузьмича святым и не сомневается, что это был император Александр I. С портретом старца Федора Кузьмича, который был воспроизведен на открытках, изданных П.И. Макушиным (рис. 1), Хромов ездил в Петербург, показывал его вельможам, помнившим этого царя, и некоторые находили сходство со старцем, другие это отрицали. Отметим, что для династии

⁷ Бойко В.П. К вопросу об эволюции духовного сознания русской интеллигенции в начале XX–XXI веков // Отечественная культурно-образовательная традиция в духовно-нравственном становлении молодежи: материалы XVII Духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 2008. С. 91.

⁸ Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII–XX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. С. 297.

Романовых признание факта чудесного спасения императора и его последующие скитания по России было бы отчасти признанием грубой ошибки при захоронении праха настоящего царя Александра I, надгробие которого находилось на своем месте в Петропавловском соборе в Петербурге.

С другой стороны, если это не так, то существовала опасность самозванства, когда старец не утверждал и не настаивал на своем царском происхождении, но и категорически не отрицал его. Поэтому понятен интерес властей самого высокого уровня к запискам С.Ф. Хромова, но ход этому делу дан не был, то есть выяснение всех конкретных обстоятельств происхождения и жизни старца не проводилось. Такая ситуация сохраняется и по настоящее время, когда полную ясность может дать генетический анализ частичек мощей святого и крови реальных представителей династии Романовых, но это будет, по мнению заинтересованных сторон, нарушением устоявшегося порядка.

У С.Ф. Хромова был сын, который умер в детстве в 1847 г., и две дочери: Анна, вышедшая замуж за колыванского купеческого сына Оконешникова, и Зиновия, ставшая женой чиновника И.Г. Чистякова. Семья Чистяковых поселилась в Томске, и на земле в центре города построили два новых двухэтажных дома, один каменный, другой деревянный, фасад последнего выходил на Монастырскую улицу и виден на фотографии начала XX века (рис. 4, 5). Более полную картину сохранения раритетов, связанных со старцем Федором Кузьмичом и семейством потомков купца Хромова, можно проследить в очерке томского краеведа С.В. Харламова, который был связан узами родства со многими купеческими и дворянскими родами Томска. Текст очерка помещен в приложении и сопровождается иллюстративным материалом, частично представленным его автором.

Рукопись С.Ф. Хромова обнаружена в фонде великого князя Николая Михайловича, который не только интересовался историей, но и сам был незаурядным историком. Для его обширного наследия было создано небольшое Управление делами, материалы которого и составили отдельный обширный архивный фонд. Рукопись записок Хромова дается по копии 1899 г., которая была выполнена «Обер-Прокурору Синода Победоносцеву для передачи Государю императору. Списано Князю Долгорукову С.А. Статс-Секретарю по его личной просьбе»⁹.

Рукопись представляет собой текст, написанный перьевой ручкой тушью черного цвета, бумага нелинованная, светло-желтого цвета. Почерк каллиграфический, писарский, без исправлений и помарок, что значительно облегчает чтение и копирование документа. При подготовке публикации орфография и пунктуация источника сохранены авторские, то есть такие, как писал купец Хромов, что передает его образ мыслей, стиль изложения и словарный запас. Единственно, что исправлено нами при подготовке к настоящей публикации, так это убран твердый знак в конце слов, оканчивавшихся на согласные буквы, «и» десятиричная (i) и буква «ять» заменены на «И» и «Е» современные.

Текст оригинала написан на 196 листах большого формата, заполненных с обеих сторон, разделен на 3 части: книга 1-я – 90 листов; книга 2-я – 52 листа и книга 3-я – 54 листа (рис. 2, 3). Нумерация страниц дается в тексте, как это принято, между разделительными чертами с указанием номера листа и его оборотной стороны (например, /3/, /3 об./ и т. д.). Сохранность документа хорошая. Поиска разночтений между первоисточником, написанным рукой С.Ф. Хромова, и копией не проводилось, так как это потребовало бы большого и кропотливого труда, а результаты были бы минимальные. Комментарии к тексту сделаны для достаточно известных лиц, сведения о которых удалось найти в справочной литературе, но большинство упомянутых в записках лиц – рядовые жители Томска и других населенных пунктов Сибири, и сведения о них обнаружить не удалось. Повествование ведется по хронологическому принципу,

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 549. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.

т. е. с момента знакомства купца Хромова с великим, по его словам, старцем, с ноября 1852 г. до июля 1890 г. с некоторыми отступлениями. Текст проиллюстрирован материалами, опубликованными в исторической и краеведческой литературе, некоторые фотографии сделаны с натуры.

Выражаем искреннюю благодарность за помощь в публикации аспирантке кафедры истории России и политологии ТГАСУ Ольге Викторовне Дворцовой, директору издательства ТГАСУ Галине Георгиевне Семухиной и редактору Екатерине Юрьевне Гловой.

В.П. Бойко.

Хромов Семён Феофанович (1813–1893)

Портрет С.Ф. Хромова 1868 г. передан в ТОКМ Е.А. Благовещенской

Книга Iая

Краткое жизнеописание великого старца Феодора Козьмича. Из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова

Господи благослови меня, окаянного грешника, начать переписывать с первой книги жизнеописание великого старца Феодора Козмича. Благослови, Пречистая Божия, благослови и ты, великий старец Феодор Кузмич, и помоги мне. Августа 4 дня 1889 года. Заимка Федоровская.

1

1852 года в Ноябре месяце, проезжал чрезь село Красноречинское, желал увидеть старца Феодора Козмича: об нем сказал мне отец Парфений Афонский, который был после Гуслицким Игуменом, который живет на пасеке у Латышева по Чулыму ниже села в 2^{хб} верстах на берегу реки. Это было в первый раз моего свидания, /1 об./ пришедши к келии, я тихонько сотворил Иисусову молитву. Пошел в келию, дверь была не заперта, пришедши помолиться Богу, увидел старца, сединами украшенного; поздоровался, первый спрос его был: «откуда честь Ваша?» Я объяснился, он спросил: «куда едешь?» Я ответил: – в Енисейск, по делам золотопромышленности. Много он мне говорил, не могу припомнить, жалею, что не записал, но только припомню «напрасно занимаешься золотым промыслом, и без этого тебя Бог питает», и еще говорил, что мы прогневаем Господа и Пречистую Божию Матерь, но милосердие Господа Нашего Иисуса Христа и Пречистой Божией Матери для нас, грешных, велико; но если кто прогневляет Духа Святого, то ни в сем, ни в будущем веке прощения не будет, и других поучений было ко мне, грешному, довольно.

2

После того я уже стал заезжать каждый раз, как только имел случай проезжать мимо, и при каждом посещении говорил «не старайся заявлять приисков: /2/ с тебя довольно», и утешал такими словами: «сыт будешь». Но всегда запрещал, чтобы в воскресные дни не работать, прибавляя: «эти работы все отнимают полезное, и величайший грех, и расчет рабочим что бы был верен, ни убавляя из платы ни полушки».

3

Когда брат мой вздумал мне отказать во всем по торговле Канской, я передал мое приискорбие старцу, то он на это сказал: «что делать, беда от разбойников, беда и от сродников, надо терпеть, Господь перенести поможет, надобно молиться Богу и Пречистой Его Матери».

4

Раз я проезжал с приисков в Томск, будучи еще на разведке Митрофановских приисков, увидался с ним, старцем, и он ничего не заметил мне. Возвратился из Томска, заехал к нему: он был у старушек в Красной Речке в келии. При разговоре он мне заметил: «а что уже теперь туда

не поедешь?» Я сказал – не знаю. Он повторил: «не следует». Тогда я понял, куда не следует ехать, это меня слишком удивило: за столько верст видел мое прегрешение.

5

В 1856 году, когда были поставлены работы на Митрофановском прииске, заехал я к старцу. Он предварял меня, чтобы вести дело честное, не касаться чужой собственности, т. е. не принимать с посторонних приисков золота, и я в этом уверял его, что меня Господь от этого и прежде хранил. По возвращению осенью заехал к нему. Он делает мне упреки и я оправдываюсь, но оправдания мои обнаружили по дару прозорливости великого старца тем, что следовало при первом разе остановить управляющего, а этим, значит, дать повод к получению чужой собственности. Это вот какой случай был: управляющий был не чист на руку и был замечен мною при съемке золота не один раз, /3/ и зная, что он принабрал золотца на машине, и приходит ко мне раз и другой, и третий, что никак нельзя не брать, т. е. не покупать золота, потому что воруют и будут воровать свое золото, никак не удержать его, и рассказывает, что сегодня приносили золота около 10 фунтов, и я знал, что никого не было посторонних на приисках, и подумал, что он успел сам приготовить его у себя, и чтобы оно действительно не ушло в другие руки, по настоянию его спросил я: «а как тебе приказано от компаньона?» Он и говорит – как же, велено брать и есть на это наличный капитал и еще пришлют. Тогда я сказал: «как, братец, хочешь, и я ни за что не отвечаю;» в чаянии том, чтобы он свое золото сдал. Вот на утро он и посылает человека, и что оказывается, что он послал на чужие прииски. И тут Господь не допускает: он попадает и его изловили с чужим золотом на чужом прииске. Вот меня старец этим и обнаружил, что не следовало и это давать ему повод, и как же он знает: /3 об./ этого ему никто не передавал, следовательно, и далеко жил, а все видел по дару прозорливости. Этот прииск был на разведке с богатым золотом, и начали работать богато. А после по работам пошел с большим убытком, так и бросили, и вот, что еще старец сказал: «и есть золото, и не будет», так и вышло.

6

Когда брат сделался нездоров, писала мне невестка из Канска, чтобы я непременно приехал в Канск, что и пожелал исполнить. Ехавши чрез Красную Речку, зашел к старцу Федору Козмичу. Он спросил меня: куда еду. Я сказал: «в Канск, писала невестка, чтобы я приехал, потому что брат сделался больным». Он, старец, мне говорит: «напрасно, любезный, едешь. Как хотят, пусть мертвецы мертвых погребут». Но я не послушался; приезжаю в Канск, и что же? Не застаю ни брата, ни невестки в Канске: они уехали опять в Иркутск. На обратном пути опять у старца был и сказал ему, что /4/ они уехали на богомолье в Иркутск.

7

31го Октября 1858 года, поутру, приехал старец Федор Козмич в Томск и стал проживать в доме. Сперва поместился на несколько дней в низу, потом поправил в мезонине, и тут много посещали его из жителей города Томска и проезжающие. Всех утешал и давал духовный пластырь по недугу каждого, а в Ноябре месяце переехал жить на заимку в исправленной горенке из скотной избы, где и прожил до Июня месяца, и тогда опять поехал на Красную Речку с приказчиком Осипом Титовым.

8

1859 года, когда больного родного моего брата Арсения привезли из Канска в Томск, болезнь его была: Евангельское беснование. Много служили молебнов, отчитывали, мучение не уменьшалось; один раз только, когда Преосвященный Парфений вечером привозил /4 об./ к нам в дом икону Скорбящей Божией Матери из домово́й церкви, служили Акафист Божией Матери, тогда мучение брата прекратилось, и он сделался в совершенном рассудке, упал в ноги Преосвященному и благодарил, и говорит, что чувствует, слава Богу, себя совершенно здоровым, и что мучители его удалились, не видит и не слышит; а когда увезли икону Божией Матери, то чрез несколько минут опять стал мучиться. В Мае месяце я вздумал съездить в Красную Речку к старцу Федору Козмичу: просить его молить, чтобы Господь помиловал от такого мучения брата, и старец дал мне сухариков. Приехавши в Томск, стали давать брату сухариков, и с ним сделался понос, и чрез три дня брат сделался здоров совершенно в свежей памяти и нет никакого признака болезни ни мучений. И вот, по милости Божией и Пречистой Его Матери, молитвами старца, от его сухариков брат сделался здоров, но, к сожалению, это было не долго: только две недели. В это /5/ время он постился по совету Преосвященнаго Парфения, и как только приобщился Святых Таин в домово́й церкви, опять сделался по прежнему болен: потому видно, что при исповеди не было чистого раскаяния. Об этом я слышал так от великого старца.

9

Во время проживания его на заимке 1859 года он был очень болен, при этой болезни я решился спросить старца: не откроет ли кто он? Нет, сказал, этого не может быть открыто никогда, а только сказал, что об это спрашивали Преосвященный Иннокентий (после был Митрополитом Московским) и Афанасий; им не открыто. Когда я сказал Преосвященному Парфению, что старец очень болен, то Преосвященный мне велел предложить старцу, чтобы он исповедался и приобщился Святых Таин, и будет ему легче. Старец сказал на это: «не угодно ли Преосвященному лично поговорить здесь со мною?» Преосвященный Парфений сказал: с большим удовольствием, и не обле- /5 об./ нился поехал на заимку. И приехали туда, я, послушник Владыки – мы были в кухне, а Преосвященный сидел в келии, разговаривал со старцем около трех часов; а что говорили, мне неизвестно; только на другой день Преосвященный мне говорил, или сказал, что я жалею, едва ли что старец не в прелести, нужно за него молиться Богу; и вот Преосвященнаго слова были мне сказаны, что старец ему сказал, что ему открыто, когда он помрет, и что старец удостоился видеть Святую Троицу, и много, что ему говорил, а потому Преосвященный и думает, что старец в прелести и приобщаться не желает. Еще ему же сказал, что он имеет пред собой свет, кроме огня. На другой день я подъехал к старцу и сказал ему, что Преосвященный говорит, что будто Вы в прелести находитесь и не хотите приобщиться. Старец на это ответил: «нет, еще Преосвященный мало знает, хотя и учен, но не понимает. Я благодарю Царя Небесного и по великой Его милости вкушаю пищу», и больше ничего не сказал, а на другой же день спросил /6/ меня, как я думаю, и верую ли; но только не так спросил, а как-то высоко говоря: не вступил ли к тебе гость? Но я по милости Божией понял и сказал: «нет, батюшка, я не сомневаюсь». На это он мне сказал: «а если сомневаешься, то выбрось меня, больного, на улицу». Вот до чего унижают себя люди высокие! И болезнь его была кровавый понос. Пищи никакой не употреблял, кроме холодной воды. Пред кончиной мне великий старец открыл, что угодник Божий Иннокентий их помирил.

10

В одно время сподобил меня Господь услышать от старца, что старец видел: горел мелкий лес самым тихим и мелким огнем, горел долго и нисколько не сгорал, т. е. это видно похоже, как неопалимая купина. И еще видел из огня вылетающих голубей: но я, окаянный, о таком великом Таинстве переспросить не смел.

11

Еще старец говорил мне, что /6 об./ в одно время он видел страшного змея, и этот страшный змей хотел его проглотить, но Сам Господь одного послал на его голову Духа Святого в виде голубя, и от появления сего страшный змей исчез; и это был не простой змей, а сам сатана преобразился в змея; и я, окаянный, не мог спросить, когда это было.

12

Раз и не один раз я слышал изречение от старца, что по милости Господней он удостоен трапезы Божией каждодневно, и это я полагаю, что он принимает Святое Причастие чрез Ангела Господня.

13

Лично Господь удостоил меня слышать от старца, как ему человеческие сердца и помыслы открыты, что я, грешный человек, многие случаи испытал и видел над собой: с каким помыслом и настроением духа пришел к нему, смотрит и обличит, только не прямо, а если бы эти случаи писать, то бы можно написать большую книгу. /7/

14

При болезни старца на заимке, видел я на его коленках большие наростины, что должно быть от большого стояния на коленях на молитве; а труды его и подвиги одному Господу известны, потому что он всегда утаивал, разве когда тихонько увидишь, что он молится Богу; но это днем, а ночью никогда и никого он к себе не принимал.

15

В одно время прихожу к старцу поутру с разстроенным духом: огорчили меня семейные мысли, и цель моя была удалиться; но он, провидя духом, начал мне говорить, упрекать меня, но это не прямо. Наконец, при большом поучении сказал, что должны жить вместе и малые крупички делить пополам, но только как то сказано не так, а притчей.

1866 года Июля дня пришло мне вразумление это поучение, что друг от друга должны пользоваться хотя малыми крупичками в сей жизни для буду- /7 об./щей жизни, но они справедливо упрекали меня за то, что я доверчив был к другим родным и посторонним, которые политически обобрали наш трудовой капитализм и мы страдаем и еще в долгу не оплатном оставили, и я не понимал, что буду я и они будем мучиться. Я виноват.

16

У одного человека я занимал деньги на дела торговые, когда жили еще с братом. Денег было взято 3000 руб. под росписку. После дела мои от разных обстоятельств упали, но человек тот для предостережения себя взял с меня вместо росписки вексель, говоря, что бы я не беспокоился: он подавать ко взысканию не будет. Потом начали приписывать проценты. Об этом опять меня предвещал, сколько я буду в состоянии заплатить, он и тем будет доволен, потому что чувствует себя довольным и благодарным, тогда как он был много должным и сам боялся показаться своим кредиторам, чтобы его не /8/ притеснили, дал мне денег и просил меня за него заплатить по 40 коп. за рубль, и я исполнил его просьбу рассчитался за него по той цене 40 коп. за рубль, из остальной суммы и осталось у меня означенных денег 3000 руб. Сверх того он завлек меня покупкой участия в приисках на его имя половину, которые мне стоят 4000 руб., и он от этого отказался. Сверх того просил меня в одном селении купить для него дом, и я взял его по его же в залог 1100 руб., и от этого отказался. Следовательно, я получил от него убытку 5000 руб. и эту сумму по совести должно отнести на его счет, как раньше сначала он действительно на меня сам не подавал ко взысканию документы, но передавая вексель то один, то другой, и эти подавали вексель на меня ко взысканию, и будучи в крайности и потом еще вексель передал на 1500 руб. и от платежа сего много потерял безвременно убытку, и все это мне совершенно наскучило и стеснило до крайности мои дела, и будучи /8 об./ я оскорблен, как человек грешный, и вдруг этот человек попался под суд, по правде или клевете оговорен в неправильном деле и посылает ко мне человека с моим документом опять на 1500 руб. передан мне, и я в числе этого документа израсходовал 400 руб. За всем тем наскучило мне неприятное его требование денег и передача в посторонние руки документов моих. Я решился с ним рассчитаться, как мог, хотя и не мог этого сделать против других моих кредиторов, писал он мне в ярмарку купить ему товаров на ту сумму, сколько у него было моих документов, и я купил немного и поехал к нему и сказал: «если хочешь рассчитаться, то я плачу, сколько есть у тебя моих документов, половину, а другую платить не могу», но самая сумма уже, сколько была, ему заплачена, должно быть, более 3000 руб. заплачено, до 5000 руб. и я потерпел от него убытку, и еще заплатил ему товаром 3300 руб. или 3700 руб., и что же? Приезжаю домой и вижу, что старец на меня гневен, ибо я к расходу, /9/ сделанному, прибавил 300 руб., потому что я много потерял от него неприятностей, но старец, провидя это духом, укорил меня. Я отдал ему товаром и еще тогда сказал все то да не так, потому что и последняя сумма не должна на него уничтожаться. Пример к этому сказал, как три отрока в печи горели и не сгорели, а росой были прохлаждаемы, но я о последних сказал, если угодно Господу благословить дела мои по золотопромышленности и то возвращу. Раз был старец в этом доме этого человека и сказал мне: «да, любезный, дом большой, комнат много, да на какие деньги устроен!» Но никто старцу не говорил, что он действительно устроен на те деньги, как я выше сказал, отдал долги свои 40 коп. за рубль, а другим ничего, а сам разбогател, и я заплатил ему, этому человеку, за 3000 руб. более 7000 руб. и 5000 руб. слишком понес кроме этого убытку.

17

Раз я захотел по одному делу сверх наставления старца сделать вопреки по своему; но оно /9 об./ было слишком велико противу как видно, и воли Божией; а я сделал, и что же? В тот же самый день Господь наказал меня болезнью поясницы и так сильно, что ни сесть, ни ходить и лежать было и поворотиться и дотронуться до тела нельзя. Вот спросил старца, как бы мне помочь; но он, видя духом, не укорил меня в безразсудстве, а сказал потереть больное место, по нашему бы мнению, самым простым лекарством (это была собственная моча), ограда

больное место крестным знаменiem. Это было вечером, а по утру уже у меня не было той боли, а чрез день я совершенно был здоров.

18

В первый день Пасхи пришел я похристосоваться к старцу и похристосовался, и дал он мне яичко красненькое, которое я положил пред иконами на чайное блюдо, и не употребляя его во всю Пасху. Что же вижу? Из яичка как будто мир истекает и не на одном месте! Я подивился и опять положил, но вместе уже /10/ с другими яйцами, лежавшими тут на другом месте и в блюде, и посмотрел чрез несколько дней: нет, уже нейдет этот мир или масло, я опять положил на отдельное блюдо и посмотрел на него через несколько времени и опять вижу также истекает по-прежнему мир. Вот показал это же и детям, и все это видели. И ее показал Ивану Ивановичу Скворцову, и тот это видел, и все благодарили Царя Небесного за такое необыкновенное чудо. (Переписано 5 ноября 1890 года).

19

Когда старец жил у нас вверху, то не один, а много раз было слышно благоухание необыкновенное и неслыханное, и ни к чему другому причислить нельзя, как должно быть при Ангельском посещении или что-нибудь из небесного, а не земное, потому что у старца никаких ароматов не бывало и огня у него никакого нет, и это слышно было без огня он имеет ночью свет.

20

Когда Губернатор Озерский¹⁰ не- /10 об./ справедливо притеснял меня по взысканию скопчики Михеевой¹¹, отобрали паспорт, не давали ехать в Ирбит и никакие убеждения на Губернатора не действовали, потому что, вероятно, озолотил руки, но мне необходимо было ехать нужно, надо было платить деньги в Банк и опять взять, а паспорт отобран. Что делать? Я стал просить старца благословить меня ехать и без паспорта. Старец благословил и сказал: «поезжай с Богом». И вот новое чудо! Поехал в ярмарку, был в ярмарке, взял в Банке денег без паспорта, никто не спросил меня, но в Банке без паспорта другим денег нельзя взять, а это было сделано только по молитвам старца.

21

Старец говорил, что и по бродяжеству по России он никогда не имел ни в чем нужды, а сколько бродяжил Богу одному известно: и в партии шел всегда доволен был от арестантов, и на ночлегах давали особенный покой и дорогой также. /11/

¹⁰ Озерский Александр Дмитриевич (1814–1880) – генерал-лейтенант, администратор и горный специалист, в 1857–1863 гг. был начальником алтайских Колывано-Воскресенских заводов и томским губернатором. Принимал участие в подготовке и проведении реформы 1861 г. на Алтае, но занимал консервативные позиции и приписные крестьяне были освобождены вопреки его тайным желаниям. Член ряда научных обществ, выступал с научными статьями в «Горном журнале» и др. изданиях.

¹¹ Мещане Михеевы относились к состоятельным томским жителям, хотя оба, муж и жена, принадлежали к «скопческой ереси», т. е. добровольно осклопили себя и составляли вместе с другими скопцами местную общину, достигавшую несколько десятков человек. Чтобы избежать суровых гонений и высылки из Томска, вынуждены были жертвовать значительные суммы на строительство в Томске Троицкого кафедрального собора. Иван Михеев в середине XIX в. пожертвовал 8400 руб., став вторым после И.Д. Асташева жертвователем на Благое дело по размерам внесенной суммы.

22

В Нижегородской ярмарке был я в торговой бане на Оке. Непозволительно позволил себе посмотреть в скважину в другую баню соседнюю, где я был, раз и другой заглянул и третий, и что-же? О, велие чудо! Но когда нужно мне было самому мыться, то не потекла из обоих кранов вода ни горячая, ни холодная, и вот беда: будучи в бане при воде и без воды, тогда я одумался и почувствовал свой грех, что не должно было любопытствовать. Стоял долго, не знал что делать и как просить воды, чтобы вымыться. Дело дошло не до шутки, а до слез, вздохнул и сказал: «батюшка, старец Федор Козмич, помолись обо мне, грешном, чтобы Господь простил мой грех и дал мне, грешному, воды», только высказал слова, вдруг из обоих кранов бросилась вода. Вот как велика молитва старца к Богу за нас, грешных: за 3000 верст, только имя его призывали, и Господь дал воду в одно мгновение ока. (Переписано 6го Ноября 1890 года). /11 об./

23

Слышал я от старца, что где-то он был в больнице будто бы по бродяжничеству и водились с ним больным Царские слуги; он так относился, что люди добрые.

24

1863 года, Декабря 18 дня, приехали мы навестить великого старца Федора Козьмича в Белоярскую станицу в дом казака Семена Николаевича Сидорова, тут устроена келия великому старцу, в которой он жил не более 2^х месяцев, где и проживал великий старец Федор Козьмич. Утром рано приехали в дом этот, к старцу идти было в келию рано, а у хозяев был готов самовар. Когда мы пили чай, хозяйка дома жена Семена Николаевича, нам рассказывала следующую случай: и вот летом в самую работу полевую она была в доме одна, прилетела птичка к ним в сени, полетала в сенях в разных местах и вылетела вон, взлетит и на ворота, птичка такая замечательная, что подобной птички здесь никто не видал ни в лесу, /12/ ни в селениях, и обсказывала цветом ее, я забыл, а только в виде голубя, только разнопестрая. Она сказала, чтобы ловить, а плотник взял палку и бросил и не попал в нее. Она, хозяйка, заставила девочку взлезть на ворота и поймать ее, но она полетела вдоль по деревне в Томск. Пришли мы к старцу в келью, поздоровались, и он стал собираться с нами в Томск, больной, чуть жив, только не велел говорить, что он едет, а тогда сказать, когда будут лошади запряжены. И действительно, когда запрягли лошадей, он стал собираться, и его стали одевать, и хозяин его стал одевать, а не знал, куда одевается; он делал наставления ему. И повели старца к повозке, тогда сказал Семену: «ну, спасибо за все всем;» тогда вышли все провожать, и хозяйка заплакала и сказала: «вот пристала к нам какая птичка и мы не смогли ее поймать – она полетела в Томск; это не во сне, а на яву». Сама горько заплакала. Отправились мы в деревню Коробейникову, /12 об./ куда повез нас сам хозяин казак Семен Николаевич Сидоров.

25

18 Декабря, вечером, приехали в деревню Коробейникову к крестьянину Ивану Яковлеву Коробейникову, жена его Фекла Степановна, дочь Феокиста маленькая, любимая была старцем. Приняли старца с величайшей радостью душевной и духовной. Вечером, когда старец лежал на печке, а я сидел на кровати, подошла ко мне Фекла Степановна сказала мне тихонько

ноне, когда приехать к нам старцу из Томска, то она ехала вечером с поля, то видела они корабль плыл по воздуху с той стороны из Томска, на носу был парус, на котором сидела два благолепные старца, она была вместе с дочерью в каком-то восторге, приехали в дом, послали мужа взять в долг сальную свечу, купить было не на что, пришел муж и принес свеч фунт. Она и этому подивилась и порадовалась, но была какая то особенная радость, сама себя не могла понять. /13/

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.